

УДК 130.2

Елена Николаевна Яркова,
Тюменский государственный университет, Россия
Yarkova Yelena Nikolayevna,
Tyumen State University, Russia

КОНЦЕПТЫ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» И «РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ» КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

THE CONCEPTS OF "GLOBALIZATION" AND "REGIONALIZATION"
OF CULTURE IN THE MODERN RUSSIAN DISCOURSE

Аннотация: В статье представлены различные интерпретации процессов глобализации и регионализации культуры.

Summary: The article presents a different interpretation of the processes of globalization and regionalization of culture.

Ключевые слова: глобализация; регионализация; культура; монизм; плюрализм; диалогизм.

Key words: globalization; regionalization; culture; monism; pluralism; dialogism.

Концепты «глобализация», «регионализация» входят в смысловое пространство российской интеллектуальной культуры сравнительно недавно – на рубеже XX–XXI веков, тем не менее, за достаточно короткий срок они обретают множество коннотаций, как предметного, так и оценочного характера [13, с. 58–61]. Это и понятно, «глобализация» и «регионализация» – не просто слова, для России это своего рода символы, в которых закодирована чрезвычайно важная и вечно актуальная для нашей страны проблема её роли и места в мировой цивилизации [1, с. 238–245].

При всех различиях в отношении к глобализации, российских исследователей объединяют, по крайней мере, три мировоззренческие позиции.

Во-первых, это представление о глобализации как сложном, охватывающем различные сферы человеческой жизнедеятельности, процессе нарастающей взаимосвязанности, взаимозависимости, взаимообусловленности бытия региональных (локальных) сообществ в планетарном масштабе. А.Н. Чумаков утверждает: «Глобализация делает всех людей жителями одной большой» «коммунальной квартиры», имя которой – планета Земля. Глобальная цивилизация задаёт всем жителям этой «квартиры» общие для всех принципы общежития, нормы и правила поведения, выравнивая при этом до известной степени технологические параметры жизнедеятельности людей в различных уголках планеты. Можно сказать и по другому: глобализация выступает как процесс формирования целостной общественной системы в масштабах всей планеты» [12, с. 353].

Во-вторых, это определение глобализации как объективного, но не субъективного, инспирированного какими-либо политическими, экономическими и т.д. силами, и, в целом, необратимого процесса. «В нашей версии глобальность есть качество абсолютное, имманентное человеку и человечеству, заданное определённой витальной потребностью», – пишет М.Л. Чешков [11, с. 197].

В-третьих, это убеждение, согласно которому глобализация не должна быть стихийной, анархичной, необходимо, так или иначе, регулировать этот процесс, направляя

его в русло стратегий, учитывающих интересы всего человечества. Н.В. Тишунина полагает: «Глобализация в нашем понимании – результат объективного исторического развития. Сама по себе она не является ни позитивным явлением, ни явлением негативного свойства. Это комплекс объективных процессов, не зависящих от воли индивидов и наций. Его можно использовать в интересах человека и всего человечества, если обеспечить уважение культурных и иных различий между людьми, – важнейшую предпосылку для построения мира, опирающегося на равновесие между различными видами исторического опыта» [8, с. 7].

Что касается отношения к регионализации, то таковая осмысливается: во-первых, как процесс повышения роли регионов в социально-культурной и политико-экономической жизни общества; во-вторых, как ответная реакция на глобализацию; и, в-третьих, как противоположная ей тенденция, связанная с дезинтеграцией, фрагментацией, сегментацией социокультурного, политического и экономического мира. Например, Н. Иванов убеждён, что: «Регионализация порождена глобализацией, и в то же время формирование региональных блоков препятствует процессам глобализации. Интеграционные процессы внутри блоков позволяют объединить интеллектуальные и материальные ресурсы стран региона и создать более благоприятные условия для их экономического развития и конкурентных преимуществ на мировом рынке» [3, с. 6]. Г.М. Дендак указывает «Регионализация объективно ведёт к иному мироустройству, нежели глобализация, а именно: к равноправному взаимодействию нескольких крупных держав и интеграционных группировок, то есть к многополюсному миру. Очевидно, что в случае полного преобладания одной из анализируемых тенденций возникнут разные типы мировых систем, ведь если глобализация предполагает монополярный мир и господство сильнейшей державы, то регионализация влечёт создание взаимодействующих и конкурирующих группировок и формирование полицентричной мировой системы, в этом и заключается основополагающее различие анализируемых явлений» [2, с. 199].

Как представляется, осмысление регионализации как эпифеномена глобализации, т.е. как её побочного продукта, придатка не совсем верно. В определённом смысле регионализация предшествует глобализации, поскольку изначально, в эпоху «до осевого времени» человечество существовало в виде социально-территориальных общностей, замкнутых в своих локальных пространствах. Таким образом, условно говоря, регионализация была даже более ранней стратегией бытия культуры и общества, нежели глобализация.

Так или иначе, глобализация и регионализация могут быть осмыслены как диалектически предполагающие и отрицающие друг друга стратегии развития общества и культуры. Это положение иллюстрируют слова И.М. Осадчей: «Глобализация органически связана с процессами регионализации. Создание региональных организаций, число которых постоянно растёт, – это и своего рода ступени глобализации. Одновременно это способ достижения эффекта от масштаба, поскольку отдельным странам подобные организации могут обеспечить некоторую защиту от отрицательных последствий глобализации» [6, с. 3]. Рассмотрим это положение применительно к одному из базовых аспектов глобализации, а именно – глобализации культуры.

Традиционно глобализация культуры понимается как процесс культурной интеграции, процесс формирования общечеловеческой культуры. Единогласие в понимании глобализации культуры как процесса интеграции культуры не исключает существенных разногласий в осмыслении содержательного наполнения этого процесса. Абстрагируясь от частных и деталей, можно выделить две основные позиции относительно определения сущностных оснований процесса глобализации культуры.

Одна из этих позиций может быть определена как культурный монизм. Авторы,

тяготеющие к этой позиции, квалифицируют глобализацию как тенденцию к созданию некоторой единой мировой культуры, как процесс, направленный на стирание культурных различий и достижение культурной гомогенности мира. Последняя, в видении приверженцев идеалов культурного монизма, формируется в результате либо выработки народами общих ценностей, либо вследствие выделения некоторой доминирующей культуры, определяемой как культурный эталон. Например, К.Э. Разлогов на вопрос – что такое глобализация культуры отвечает следующим образом: «Это значит, что появляются тексты, обычаи, традиции, привычки, нормы, ценности, которые объединяют всё население земного шара. Конечно, это абстракция, реально всегда есть исключения. Существуют где-то в джунглях пигмеи, есть отшельники, старцы, которых русская традиция культивирует и обожествляет, которые будут находиться вне этой глобальной массовой культуры. Но это единицы. А все остальные будут жить в этой культуре. И благодаря тому, что они будут жить в этой культуре, у них будет общий язык, общий набор понятий, терминов, представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо. Мы можем с этим не соглашаться, спорить и даже вливаться в ряды антиглобалистов, но общая тенденция от этого не изменится» [7, с. 140]. Таким образом, сторонниками культурного монизма глобализация отождествляется с вестернизацией или американизацией, она квалифицируется как процесс унификации региональных культур в соответствии с определённым набором общеобязательных требований, выработанных в странах евро-атлантического блока. Об этом пишет Иноземцев: «За нынешним этапом «глобализации» стояло стремление американцев использовать возможности народов, населяющих страны периферии, и навязать им своё собственное видение мира. Для американцев главным было не осознание своей цивилизаторской роли в жизни этих народов, а уверенность, что развивающиеся страны повторяют путь, по которому они сами прошли как первопроходцы. Роль первопроходцев не предполагала глубокого осмысления американцами сложившихся культурных парадигм; скорее, она подразумевала пренебрежение ими, и американцы никогда искренне не интересовались происходящими в мире событиями. Именно поэтому они всегда были весьма избирательны в средствах «общения» с этим внешним миром и рассматривали его в лучшем случае как то, что когда-нибудь принесёт им те или иные выгоды. Всё это характеризует процесс, называемый многими (и прежде всего самими американцами) «глобализацией»» [4, с. 68].

Монистическая трактовка глобализации неотделима от убеждения, что в самой глобализации нет ничего нового, и она является логическим продолжением нововременных модернизационных стратегий развития мира. Что касается регионализации культуры, то она получает статус обречённого на провал культурно-маргинального и антиглобалистского по своей направленности процесса. Кстати говоря, само происхождение антиглобализма, направленного против доминирования массовой поп-культуры, «стандартизации умов» во многом связано именно с монокультуралистской трактовкой глобализации. Последняя сегодня является не просто культурологической концепцией, но реально бытующей культурной практикой.

Другую позицию можно обозначить как культурный плюрализм. Авторы, стоящие на этой позиции утверждают, что глобализация плюральна, она есть процесс умножения культурных различий. Регионализация (локализация) в таком прочтении выступает не как антитеза глобализации, а как её неотъемлемое свойство и необходимая часть. Адепты идеалов культурного плюрализма репрезентируют глобальность, как разнородное, гетерогенное образование. Главным аргументом в пользу плюралистической интерпретации глобализации выступает утверждение, согласно которому системообразующим принципом глобального мира является принцип «выживания

сильнейшего». При этом «сильнейшим» оказывается тот, кто способен создавать новые информационно ёмкие, уникальные технологии. Императив глобальной конкуренции: «Быть как все сегодня не годится, нужно быть либо лучшим, либо уникальным» (В.Г. Федотова), – кардинальным образом меняет представление о механизмах развития региональных культур. В частности он делает несостоятельными просветительские модернистские идеологические концепции догоняющего, основанного на заимствовании готовых технологий, развития. Очевидно, что догоняющая, имитационная в своей основе стратегия развития, не создаёт предпосылок для вертикальной мобильности в рамках иерархии глобального мира, обрекает модернизирующиеся культуры на вечное отставание. Принцип «выживания сильнейших» ставит региональные сообщества перед проблемой поиска автохтонных источников развития, выявления его внутренних резервов, определения некоторой аутентичной региональной стратегии бытия. Понятно, что взгляд на глобализацию как процесс жёсткой конкурентной борьбы, ведущей к выбраковыванию неэффективных сообществ, конституирует глобальный мир как конгломерат культурных локусов. Таким образом рождается образ мозаичной культуры, при этом главным принципом межкультурного сосуществования объявляется толерантность – индифферентно-терпимое отношение к культурным различиям. Собственно говоря, такое понимание глобализации укладывается в формулу мультикультурализма, позиционируемого как особая стратегия и тактика бесконфликтного сосуществования множества разнородных культурных групп. Суть мультикультурализма хорошо иллюстрируют слова И.А. Ушановой, раскрывающей это понятие на примере Германии: «Как и в большинстве европейских стран, в Германии идеи мультикультурализма актуальны в первую очередь из-за большого количества мигрантов, проживающих в стране. Несмотря на определённое единство в понимании мультикультурализма левые и правые в Германии используют эти идеи в своих целях. Мультикультурализм, который до сих пор отождествляется многими с «культурным плюрализмом», базируется на понятии культурного релятивизма, т.е. культуры рассматриваются как закрытые, самодостаточные единицы. Левые используют идеи плюралистического мультикультурализма в своих выступлениях против требований к мигрантам ассимилироваться в принимающую их культуру. Консерваторам же он служит, прежде всего, для обоснования права и обязанности сохранения «немецкой национальной культуры». Однако и для тех, и для других ключевыми словами при рассмотрении мультикультурализма является «страх перед смешением». Обе стороны настаивают на «узнаваемости различий» культур» [10, с. 65].

Итак, какая из названных позиций является теоретически более релевантной и практически более продуктивной? По нашему твёрдому убеждению, монокультурный и поликультурный радикализм в равной степени ограничены и губительны для культуры. Теоретически и практически более зрелой представляется, широко разработанная в современной отечественной философии, однако не нашедшая должного воплощения в современной отечественной глобалистике, концепция диалога. Ключевой идеей этой концепции является идея синтеза принципов культурного монизма и культурного плюрализма. Такого рода синтез осуществляется в результате «снятия» противоречия между культурным монизмом и культурным плюрализмом.

Диалогизм преодолевает мировоззренческую ограниченность культурного монизма. Он базируется на идее сохранения многообразия региональных культур. Однако это сохранение вовсе не означает их консервации. Диалогизм отталкивается от убеждения, согласно которому региональные культуры развиваются, наполняясь новым содержанием, «обрастая» новыми ценностно-смысловыми элементами. При этом такого рода развитие подчинено их собственным внутренним закономерностям, но не закономерностям,

навязанным некоей культурой, позиционирующей себя как эталон, образец для подражания.

Диалогизм преодолевает мировоззренческую односторонность культурного плюрализма. Он зиждется на положении, согласно которому границы между региональными культурами прозрачны, времена культурного аутизма ушли в прошлое. Региональные культуры существуют, оплодотворяя, обогащая друг друга, поскольку: «культура живёт не внутри границ, а на их пересечении, когда они не просто сосуществуют, а находятся в состоянии диалога, то есть отношении: вопрос-ответ» [9, с. 35]. Именно диалог лежит или, по крайней мере, должен лежать в основании такого феномена, как общечеловеческие ценности и смыслы. При этом диалог отнюдь не есть некая одноразовая акция, его следует понимать как непрерывный процесс творческого формирования глобальной культуры. Он, таким образом, выступает в качестве субстрата общечеловеческой культуры, является главной энергетической, экстропийной силой генерирующей её. Соответственно, антидиалогичность можно рассматривать как разрушающее, иницирующее коней культуры, энтропийное начало: «...именно социальная, политическая и национальная «антидиалогичность» породила исторические катастрофы XX века, породила Холокост, который вышел за пределы еврейских гетто и обрёл значение всякого социального геноцида» [9, с. 22].

Диалогизм предполагает, что каждый человек существует в широком пространстве культурных идентичностей – чувство принадлежности к определённой региональной культуре не только не исключает, но, напротив, предполагает существование чувства принадлежности к глобальной культуре, поскольку общечеловеческая культура не сводится к некоторой единой сущности, но выступает как совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых, взаимообусловленных сущностей. И.Я. Мурзина указывает: «Обращаясь к специфике функционирования региональной культуры, становится возможным по-новому взглянуть на культуру страны. Россия представляет собой единство разнородных элементов: этнокультурных и поликультурных (региональных) общностей. Сознание «россиянина» – это напластование культурных знаков и значений, усвоенных в процессе жизни. При этом особую значимость приобретает непротиворечивость универсальных и личных смыслов. Освоение культуры России каждым конкретным её жителем ведётся через обретение личных смыслов, опосредованных локальным сообществом. Региональная культура становится тем «адаптивным механизмом», который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина» [5, с. 64].

В контексте диалогического понимания глобализации региональная культура предстает как источник креативных идей, нетривиальных решений, как творческий резерв глобальной культуры. Соответственно развитие региональных культур – стратегически важная задача. Особенно для России, где столетиями проводилась центристская политика, нивелирующая региональную культурную специфику, где длительное время насаждалась государственная идеологическая идентичность, поглощающая идентичность региональную. Воссоздание «региональной мифологии» (региональных культурных героев, региональных сакральных объектов, символики, ритуалов), являющейся концентрированным выражением региональной культуры; развитие межрегионального диалога можно рассматривать как важнейшие условия возрождения России, и обретения ею достойного места в глобальном мире.

Литература

1. Беспалова, Ю.М. О глобальной и региональной культурах [Текст] // Вестн. Тюм. гос. ун-та. – 2001. – № 4. – С. 238–245.
2. Дендак, Г.М. Регионализация в условиях глобализации мировой экономики [Текст] : дис. ... канд. эконом. наук / Г.М. Дендак. – М., 2011. – 233 с.

3. Глобализация и Россия (круглый стол) [Текст] // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 9. – С. 3–25.
4. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» по-американски [Текст] // Вопр. философии. – 2004. – № 4. – С. 58–69.
5. Мурзина, И.Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры [Текст] // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 60–65.
6. Осадчая, И.М. Глобализация и государство: новое в регулировании экономики развитых стран [Текст] // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11. – С. 3–14.
7. Разлогов, К.Э. Глобализация культуры – миф или реальность? [Текст] // Развитие и экономика : альманах. – 2011. – № 1. – С. 139–143.
8. Тишунина, Н.В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии [Текст] // Глобализация и культура : аналитический подход. – СПб., 2003. – С. 5–24.
9. Устюгова, Е.Н. Глобализация и культура [Текст] // Глобализация и культура : аналитический подход. – СПб., 2003. – С. 25–46.
10. Ушанова И.А. Перспективы мультикультурализма в условиях культурной глобализации [Текст] // На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе. Вып. 7. В 2 ч. / под общ. ред. А.П. Клемешева. – Калининград, 2004. – Ч. 2. – С. 64–73.
11. Чешков, М.Л. Глобалистика как критика антиглобалистского отечественного сознания [Текст] // Глобализация и столкновение идентичностей : Междунар. интернет-конф. Москва, 24 февраля – 14 марта 2003 г. : сб. материалов / под ред. А. Журавского, К. Костюка. – М., 2003. – С. 187–200.
12. Чумаков, А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст [Текст] / А.Н. Чумаков. – М., 2005. – 516 с.
13. Яркова, Е.Н. Конференция в Тюменском университете [Текст] // Вестн. РФО. – 2004. – № 4. – С. 58–61.